

БЕСХОЗНАЯ ИДЕЯ ЭКОНОМИСТЫ ЗНАЮТ, ЧТО ЧЕМ СИЛЬНЕЕ ЗАЩИТА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ, ТЕМ БОЛЬШЕ ИНВЕСТИРУЮТ ПРЕДПРИЯТИЯ В ИННОВАЦИОННЫЕ ПРОДУКТЫ. НО В РОССИИ, НЕСМОТЯ НА ПРИЗЫВЫ К МОДЕРНИЗАЦИИ, ОСНОВНОЕ ФИНАНСИРОВАНИЕ НИОКР ПО-ПРЕЖНЕМУ ОСУЩЕСТВЛЯЕТСЯ В ОСНОВНОМ ЗА ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СЧЕТ, РЫНОК ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ НАХОДИТСЯ В ЗАЧАТОЧНОМ СОСТОЯНИИ, И ДЛЯ ИЗОБРЕТАТЕЛЕЙ ЦЕНА ВХОДА НА НЕГО МОЖЕТ БЫТЬ СЛИШКОМ ВЫСОКА.

НАДЕЖДА ПЕТРОВА

БОЛЬШОЙ БЮДЖЕТ С НЕБОЛЬШОЙ ОТДАЧЕЙ

Согласно данным, которые приводил в начале октября на бизнес-конференции «Эксперт-400» вице-премьер Сергей Иванов, в 2010 году на финансирование инновационных проектов федеральный бюджет потратил 477 млрд рублей. На этот год запланировано заметно больше — 742 млрд рублей, из них 312 млрд — на реализацию 17 федеральных целевых программ в таких областях, как медицина и фармацевтика, образование, информационные технологии, космос и атомная энергетика.

«Бесконечно наращивать финансирование инноваций из государственных источников мы не можем и не должны», — заявил вице-премьер. — Считаю, мы подошли к своеобразному Рубикону, перейдя который именно частный бизнес должен стать локомотивом массовой инновационной активности». Негосударственные компании, по его словам, финансируют лишь 20% затрат на НИОКР, тогда как за рубежом их доля превышает 65% от общенациональных инвестиций.

Судя по рейтингам топ-1000 R&D, которые регулярно готовит Еврокомиссия и где обычно фигурируют две-три российские компании (за последние три года в этот рейтинг в разных сочетаниях попадали «Газпром», АвтоВАЗ, ЛУКОЙЛ и «Ситроникс»), наращивает затраты на НИОКР один «Газпром». Что, впрочем, не сильно сказывается на количестве регистрируемых им патентов: по данным Минэкономики, в 2009 году «Газпром» получил 41 патент на свои разработки, в 2010-м — 36.

Так или иначе, но «крупные частные инвестиции в НИОКР (при больших рисках и на долгосрочной основе) могут позволить себе только отдельные корпорации», отмечает вице-президент по новым технологиям «Ситроникс» Михаил Миньковский. В этих условиях заказ на инновационные продукты со стороны государства, по его мнению, скорее можно назвать недостаточным. При этом бюджетные средства не всегда расходуются оптимальным образом, то есть на действительно нужные бизнесу разработки. «Минпромторг, Минэнерго, Минсельхоз и Минрегион России, отвечающие за реальный сектор экономики, не оказывают существенного влияния ни на формирование и исполнение федеральной программы НИОКР, ни на превращение полученных в науке новых знаний в инновационный продукт», — говорит господин Миньковский.

По его словам, «из 80 госзаказчиков, распределяющих бюджетные средства на НИОКР, в гражданском секторе основным выступает Минобрнауки, деятельность которого, как правило, заканчивается на этапе «освоения денег» при получении новых знаний (результатов интеллектуальной деятельности)». Но сами по себе знания — это еще не коммерческий продукт, и превращение одного в другое требует дополнительных усилий.

«Необходим посредник между производством и наукой, который может оценить, как тот или иной результат интеллектуальной деятельности можно использовать в производстве и помочь научным учреждениям найти заинтересованное лицо», — полагает Ирина Баршай, заме-

ститель гендиректора по правовым вопросам консалтинговой группы компаний «Нексиа Пачоли», добавляя, что сейчас «государство много внимания уделяет вопросам создания инфраструктуры».

ПОРОГ ВХОЖДЕНИЯ Однако формирование рынка интеллектуальной собственности требует как минимум оформления этой собственности, а это не самый простой процесс — и не самый дешевый, в этом единодушны все опрошенные эксперты.

«Оформить отношения с государством по защите интеллектуальных прав простому гражданину тяжело. Я бы даже сказал — невозможно. И если у вас нет структурности в понимании, как осуществляется защита того или иного технического решения, вы его никогда не защитите», — уверен, в частности, московский адвокат Константин Семенов. — Надо обращаться к специалистам. А услуги специалистов дороги».

Похуже мнения придерживается партнер юридической фирмы Salans Виктор Наумов: «Объективно талантливому изобретателю или хорошему бизнесмену, который вкладывает что-то в инновации, самостоятельно качественный патентный поиск не провести или заявку на патент не написать. Есть исключения — изобретатели или бизнес-ангелы, которые удачно делают все сами, но это редкость. Поэтому нужно обращаться либо к частнопрактикующим патентным поверенным, либо к сторонним патентным или юридическим фирмам. Здесь возникает проблема стоимости. Проблема, назовем так, порога вхождения». «По сути, если ты хочешь защитить инновационное решение, ты должен потратить деньги. При этом никто не гарантирует, что патентное ведомство решит, что, да, это охраноспособный объект», — подчеркивает юрист.

Масштабы проблемы возрастают, если необходимо получить патент сразу в нескольких странах. «Если вы хотите запатентовать нечто ценное в значительном количестве стран, стоимость патентования может быть значительной. И не каждый изобретатель или каждое малое предприятие сможет достать на это средства», — продолжает господин Наумов.

ЗАГАДКИ НОУ-ХАУ Итак, затраты велики. Но, как показывает практика, российские предприятия зачастую видят в патентовании изобретения не столько выгоду, сколько угрозу. Что, впрочем, иногда является результатом «экономики» на грамотном оформлении документов. «Получение патента подразумевает публикацию информации, а поскольку не все умеют хорошо составить заявку, бывают случаи, что после ее прочтения сразу становится ясной суть

изобретения и теряются возможные выгоды изобретателя — владельца патента. Поэтому предприятия до поры до времени предпочитают сохранять свои изобретения в тайне, причем не всегда вводя режим коммерческой тайны», — рассказал менеджер проектов Регионального фонда научно-технического развития Санкт-Петербурга Андрей Каливанов.

Ирина Баршай отмечает, что таким способом охраны интеллектуальных прав, как коммерческая тайна, пользуется крайне мало предприятий, несмотря на то что эта возможность предусмотрена Гражданским кодексом. Поэтому «цельный пласт результатов интеллектуальной деятельности, которые невозможно защитить никаким другим способом, например научно-техническая документация, фактически исключается из оборота», отмечает она.

Возможно, причина тут не только в относительной новизне — по крайней мере, для российского права — самого понятия «секрет производства» (ноу-хау), но и в том, что такие объекты имеют достаточно слабую с юридической точки зрения защиту. Ноу-хау можно продавать, можно лицензировать его использование, и оно не требует никакой регистрации, но если ваше ноу-хау стало известно кому-то еще (предположим, его украли, случайно раскрыли или вычислили, разобрав вашу продукцию на составные части), доказать ваши права в суде практически невозможно. В результате, не умея применить предоставляемые законом возможности, компании оставляют свои разработки вовсе без правовой защиты.

«Защита не обязательно должна быть патентной», — указывает Виктор Наумов. — Есть масса способов, как оперировать информацией. Они в довольно сложной конфигурации сочетаются друг с другом. Можно сочетать и ноу-хау, и патенты (принимая во внимание, что получение патента длительный процесс). А иногда выгоднее написать классную научную статью, закрепив за собой приоритет, и быстро наладить производство. Поскольку исчезает новизна, другие патентов на это изобретение не получат и, значит, не смогут вам помешать».

ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ ПРАВОМ Некоторые особенности патентного права дают умельцам неплохую возможность помешать конкурентам, констатируют юристы. Долгая (иногда по полтора-два года) и обстоятельная экспертиза по существу проводится лишь в отношении ключевых объектов интеллектуальной собственности — изобретений. Именно потому, что такая экспертиза — процесс длительный, в ГК предусмотрен еще один объект интеллектуальной собственности — полезные модели. Получить патент на них гораздо проще: весь процесс занимает около полугода.

«За счет этого объекта нередко возникают злоупотребления. Возникло, например, такое явление, как патентный троллинг. Оно заключается в том, что в связи с отсутствием серьезной экспертизы по существу, как это установлено для изобретений, в качестве полезной модели патентуют очевидные и известные устройства. Получив патент на полез-

ную модель, с этим патентом идут к конкурентам и начинают с ними бороться», — рассказывает господин Наумов. С учетом того что за нарушение патентных прав предусмотрена уголовная ответственность, нормальная хозяйственная деятельность предприятия может быть блокирована.

Господин Семенов сталкивался с подобными ситуациями и отмечает, что ими случаи злоупотребления правом не исчерпываются. Иногда, по его словам, полученный патент используют как аргумент, чтобы уговорить инвестора вложить деньги в производство «полезной» модели: «Люди пучок проводов называют „системой мониторинга“ и регистрируют. А когда приходит, не инвестор даже, а государство и говорит: вот вам стадион, устанавливайте на него эту систему, пусть она покажет, как будут работать строительные конструкции, они отвечают: „А мы не можем“. Почему? Потому что не для этого регистрировали. Содержательно это пустой звук».

ПРОПАГАНДА ПЛЮС ФИНАНСИРОВАНИЕ

«Конечно, сложность процедуры патентования тормозит инновационный цикл, но без этого не обойтись. Интеллектуальная собственность, в частности промышленная, — это монополия. Чтобы получить право на монополию, нужно отвечать критериям, которые указаны в законе. Проверить соответствие им можно в результате сложной длительной экспертизы», — считает Виктор Наумов. Вместе с тем, по его мнению, спектр возможных мер для упрощения инновационного процесса не исчерпан.

«Что в нашей ситуации нужно делать? Да, нужно пытаться повышать эффективность работы патентных органов. В общем, это делается, но это не может привести к радикальному улучшению», — рассуждает господин Наумов. — Есть несколько вещей, на чем должно государство сосредоточиться, с моей точки зрения. Как ни странно, это может стоить довольно дешево».

«Во-первых, правовая пропаганда. Нужно объяснять потенциальным изобретателям, начиная со студентов вузов, в чем правила рынка. Второе — усилить методическую помощь. Например, в Англии особых налоговых льгот для инноваторов нет. Но там государство давно вложило и разработало набор проектов различных документов, рекомендаций и положений, которые университеты, ученые, инноваторы и инвесторы используют в качестве основы для своей инновационной деятельности и тем самым получают информацию о best practice и снижают свои расходы», — рассказывает Виктор Наумов.

И, наконец, третье, по его словам, — стимулирование патентования: «Государство может помогать финансировать патентование для инновационного бизнеса, в первую очередь это может касаться оплаты пошлин в России и за рубежом, а также оплаты патентных услуг. Есть страны, например Германия, ряд стран Европы, где государство субсидирует таким образом патентование. И это дает свои результаты, потому что у молодых маленьких компаний этих денег нет и не факт, что они найдут своих бизнес-ангелов, которые на это потратят деньги». ■

КАК ПОКАЗЫВАЕТ ПРАКТИКА, РОССИЙСКИЕ ПРЕДПРИЯТИЯ ЗАЧАСТУЮ ВИДЯТ В ПАТЕНТОВАНИИ ИЗОБРЕТЕНИЯ НЕ СТОЛЬКО ВЫГОДУ, СКОЛЬКО УГРОЗУ

ИТАР-ТАСС

ПО МНЕНИЮ ВИЦЕ-ПРЕЗИДЕНТА ПО НОВЫМ ТЕХНОЛОГИЯМ КОМПАНИИ «СИТРОНИКС» МИХАИЛА МИНЬКОВСКОГО, КРУПНЫЕ ИНВЕСТИЦИИ В НИОКР МОГУТ ПОЗВОЛИТЬ СЕБЕ ТОЛЬКО КРУПНЫЕ КОРПОРАЦИИ

